

Анелия Кутузова

Ноты сибирской тайги

Анелия Кутузова

Ноты сибирской тайги

<https://litres.ru/74299633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой художник Леонид отправляется из южных краёв в суровую Сибирь с одной целью — поймать неуловимый «сибирский свет» и запечатлеть на холсте первозданную мощь природы. Но тайга не терпит случайных гостей. Она проверяет его на прочность грохотом ледохода, испытывает тишиной и учит видеть не глазами, а сердцем.

Под руководством угрюмого егеря Петровича Леонид проходит путь от наивного туриста до творца, способного услышать «симфонию» дикой природы. Вернувшись домой знаменитым художником, он понимает, что главное путешествие было не за красками и холстами, а за новым видением мира. Чтобы завершить круг преображения, ему предстоит вернуться в Сибирь не за вдохновением, а чтобы поблагодарить своего главного учителя и понять: истинное мастерство — это не умение писать картины, а способность видеть душу мира в каждой капле росы и в каждом луче света.

Это история о том, как найти себя, потерявшись в бескрайних просторах тайги, и о том, что самый важный пейзаж — тот, что живёт внутри нас.

Содержание

Введение: Зов Тайги	4
Глава 1. Билет в Сибирь и байки дяди Коли	6
Глава 2. Слезы Тайги и первый урок Петровича	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ноты сибирской тайги

Введение: Зов Тайги

Говорят, Сибирская тайга не всех принимает. Она сама выбирает тех, кому готова открыть свои тайны. Это не место для праздного любопытства или туристической прогулки с фотоаппаратом. Сюда приходят по зову.

Зов этот не похож на глас с небес. Он тих и настойчив. Он может быть в случайной строчке из старой книги, в тревожном сне, где небо падает на землю, или в случайном взгляде на карту, когда палец вдруг замирает над извилистой линией безымянной реки. Это чувство неполноты, которое гложет душу художника в его тесной мастерской, среди привычных пейзажей. Это тоска по цвету, которого нет на палитре, и по свету, который не увидишь в городском окне.

Для Леонида этот зов начался с навязчивого образа: сумрачная стена сосен, пронизанная одним-единственным лучом света. Образ был настолько живым, что вытеснил все остальные идеи. Он мешал работать, мешал спать. Это была не просто мечта о новом этюде. Это была потребность заполнить пустоту внутри чем-то настоящим, первозданным и диким.

Так начинается путь не за вдохновением, а на встречу с ним. Путь туда, где небо касается земли.

Глава 1. Билет в Сибирь и байки дяди Коли

Художник Леонид отправляется из тёплых южных краёв в Сибирь — за «сибирским светом», который мечтает запечатлеть на холсте. Он верит, что поймает неуловимое свечение и создаст серию полотен «Симфония тайги». Прощание с Юлией, долгие дни в поезде, первые шаги в Бердске и знакомство с бабой Ниной обнажают наивность его городских представлений о тайге. Но встреча с егерем Петровичем обещает: настоящая школа дикой природы только начинается.

И вот я уже стою на перроне, а Юлия смотрит на меня так, будто я собрался не на этюды, а на Луну — без скафандра. В её глазах смешались гордость, жалость и явное подозрение, что южное солнце окончательно расплавilo мои мозги.

— Лёня, ты уверен? — она поправила воротник моей новой, ещё хрустящей штормовки. В голосе звенела тревога. — Там же медведи. И комары размером с воробья. И... вообще, как ты там будешь рисовать? На морозе?

Я прижал её к себе, вдыхая родной аромат её духов — запах, который, как я подозревал, скоро будет безнадежно перебит кедровой смолой и дымом костра.

Перед глазами всплыл последний этюд: кипарисы на фоне лазурного неба, тени — чёткие, как на театральной декора-

ции. Тогда казалось, что живопись проста: вот свет, вот тень, вот гармония. Я усмехнулся. Сибирь не будет такой послушной.

Юлия на мгновение замерла, потом расстегнула подвеску с крошечным зеркальцем — её талисман с юности — и вложила мне в ладонь.

— Пусть отражает твой «сибирский свет», — улыбнулась она. — И возвращайся с картинами, которые заставят меня ахнуть.

Я сжал подвеску в кулаке, чувствуя, как её тепло смешивается с моим волнением.

— Юль, медведи — они в музеях естествознания. А комары... они просто не знают, с кем связались. Я еду за «сибирским светом». За той самой игрой теней, о которой пишут в учебниках. Я должен это увидеть. Должен это почувствовать.

Мой друг искусствовед Дима, услышав это по видеосвязи, лишь хмыкнул в экран:

— Ну;ну... Почувствуй. Главное, чтобы ты там не почувствовал себя главным блюдом в меню у местной фауны. И не забудь про контрасты! Тайга — это не только зелень, это драма света и тьмы.

Родители просто перекрестили меня на дорожку. Мама сунула в рюкзак банку малинового варенья: «От простуды!», а отец, суровый мужчина старой закалки, лишь буркнул:

— Сибиряк не тот, кто не мёрзнет, а кто тепло одевается. Я провёл рукой по лакированной поверхности мольберта

— подарок родителей на окончание академии. «В тайге пригодится», — думал тогда. Рядом лежали тюбики с красками, подписанные аккуратным шрифтом: «Изумруд», «Ультрамарин», «Охра». Я улыбнулся. Скоро эти цвета смешаются с настоящей Сибирью.

Более трёх суток в поезде Адлер — Новосибирск. Три дня и три ночи стука колёс, растворимого кофе из гранёного стакана и бесконечных философских бесед с попутчиками. Я ожидал увидеть суровых геологов с обветренными лицами или молчаливых лесорубов. Реальность оказалась куда прозаичнее и веселее.

На второй день в купе зашёл седовласый мужчина с потрёпанным портфелем. Оказалось — биолог из Академгородка, едет проверять ловушки на Берди.

— Видели когда-нибудь, как кедровка прячет орехи? — спросил он меня. — Она выбирает самые лучшие, закапывает по три;четыре в землю, а потом... забывает половину! Так кедры и расселяются по тайге. Природа сама себя сажает.

Леонид достал блокнот и быстро набросал силуэт птицы на ветке. «Городские выставки — это хорошо, но здесь, в Сибири, я увижу, как рождается сама живопись природы», — подумал он.

Моим соседом по купе оказался дядя Коля из Барабинска — человек;гора с добродушным лицом и энциклопедическими знаниями о том, как правильно солить грузди и почему местная Обь круче любой Волги.

— Художник? В тайгу? — он гоготал так, что стаканы в подстаканниках подпрыгивали. — Ты, паря, небось думаешь, там как на картинке Шишкина? Идиллия? Эх... Там тайга живая. Она тебя сначала проверит на прочность.

"Глупости, — мысленно отмахнулся Леонид. — Тайга меня примет. Я же художник, я её пойму".

— Вот помню, поехали мы с бригадой на Бердь... — начал дядя Коля.

И понеслось. Его байки были не просто историями — это была «инструкция по выживанию», вводный курс в мир, который ждал меня за окном.

— А ещё кедр перед бурей смолой плачет, — продолжал дядя Коля, разливая чай. — Капли на коре — будто слёзы. Я как-то ночевал у такого: ветер воет, а он всё роняет и роняет... Я тогда впервые понял, что деревья — они живые, с характером.

Леонид представил: тёмный ствол, янтарные капли, серое небо. «Это будет первый холст серии — Слёзы тайги», — записал он в блокноте.

С каждой его историей моя уверенность крепла. Я уже видел это: величественное царство природы, пронизанное серебряными лентами рек. Я представлял, как буду ловить этот резкий зимний свет, это сумрачное величие.

Поезд мчал меня на северо;восток. За окном степи сменялись берёзовыми колками, а затем... горизонт вдруг раздался. Небо словно упало на землю, сливаясь с ней в бескрайней

сине;серой дали.

Леонид прижался лбом к холодному стеклу. Воздух за окном стал другим — резким, сухим, с горьковатым запахом хвои. Вдалеке, на холме, стоял одинокий кедр — огромный, тёмный, с раскидистыми ветвями. Он выглядел так, будто вырос здесь задолго до людей, задолго до поездов и городов.

«Вот он, первый настоящий сибирский силуэт», — подумал Леонид, доставая карандаш.

Он достал блокнот. Нужно было составить план — зафиксировать идеи, пока они не улетучились вместе с паром от очередного стакана кофе.

1. Река Обь — главная артерия. 2. Малые реки: Иня (драма), Бердь (норов). 3. Поймать момент ледохода! Это же чистая динамика! 4. Смена сезонов: весна (половодье), лето (изумруд), осень (золото), зима (монохром).

Я так увлёкся планированием будущей серии полотен «Симфония тайги», что не заметил, как поезд начал замедлять ход. Ритмичный стук колёс сменился прерывистыми толчками, а за окном замелькали первые городские постройки.

Станция. Конечная.

Выйдя на перрон Новосибирска Главного, я вдохнул воздух. Он был другим — холоднее, чище — и пах... свободой? Или это просто пахло креозотом от шпал? Лёгкий ветерок коснулся лица, будто проверяя мою решимость. Кожей я почувствовал, как резко упала температура: после трёх суток в

душном купе сибирский холод пробрался под куртку, напоминая, что настоящая проверка ещё впереди.

Я закинул рюкзак на плечо. Где-то там ждала меня турбаза или домик егеря... — мой первый опорный пункт.

В Новосибирске Леонид осмотрелся. Он стоял на перроне Новосибирска Главного — огромного, гудящего улья, где сходятся пути со всей страны. После трёх суток в тесном купе этот масштаб подавлял. Он вдохнул полной грудью. Воздух здесь отдавал металлом, бетоном и далёкой весной — городской весной, совсем не похожей на таёжную.

Связь? Она была. Отличная, стабильная 4G. Леонид усмехнулся своей панике в поезде. «Тайга ещё не началась, а ты уже испугался», — подумал он.

Он отошёл в сторону от шумной толпы к окну, достал телефон. Экран послушно загорелся. И написал Юлии:

Я в Новосибирске. Громадный город. Только что съел самый вкусный блин в привокзальной кафешке. Еду дальше, в сторону тайги. Люблю.

А затем — Диме:

Привет из мегаполиса! Тут мост через Обь такой, что дух захватывает. Скоро буду в Бердске, оттуда начну погружение.

Леонид знал: Новосибирск — это гигантский транспортный узел. Его цель — не сам город, а точка входа в дикую природу. Вариантов было два: либо турбаза на Обском море (это скорее отдых для горожан), либо Бердск. Именно там,

по его плану, начиналась настоящая работа — изучение характера реки Бердь перед тем, как двигаться выше по течению.

Решение было принято мгновенно. Он купил билет на электричку до Бердска, чувствуя, как нарастает предвкушение: скоро начнётся самое интересное.

Дорога заняла меньше часа. По мере того как электричка отъезжала от центра Новосибирска, пейзаж за окном менялся. Гигантские спальные районы и заводы сменялись частным сектором, а затем — широкой панорамой Обского моря. Леонид прилип к окну. Это было не море в привычном понимании, а гигантское водохранилище, разлившееся до самого горизонта. Вода отливала свинцовым блеском под пасмурным небом, и в этом было что-то завораживающее.

Выйдя из электрички, Леонид не стал терять время на осмотр достопримечательностей городка. Его целью был поиск ночлега и информации.

— Здравствуйте, а где тут можно комнату снять на пару дней? У частных? — спросил он у проходящей мимо женщины с коляской.

— Ой, да у нас тут все сдают! Вам к бабе Нине надо, она на улице Морская живёт, дом с голубым забором. У неё и тихо, и кормят вкусно, — охотно ответила женщина.

Леонид оживился:

— А она... не подскажет, где тут егеря найти? Мне бы про тайгу расспросить, про места для этюдов.

Женщина улыбнулась:

— Так баба Нина его хорошо знает — Петрович его зовут. Он тут всё вдоль Берди обходит, да и выше по течению тоже. Она вам всё расскажет, не сомневайтесь.

Дом бабы Нины нашелся быстро — покосившийся деревянный дом с резными наличниками и геранью на подоконниках. У крыльца дремал рыжий кот. Увидев Леонида, он лениво потянулся, подошёл и ткнулся носом в ботинок.

— Принят, значит, — хмыкнула баба Нина, появляясь на пороге в фартуке, перепачканном мукой. — Ну проходи, касатик. Пельменей сибирских поешь с дороги. А то ветром сдует.

Комната оказалась маленькой, но уютной — в ней витали ароматы сушёных трав, пирогов и чего-то древнего, будто сама древесина помнила десятки зим. На стене висела старая фотография: группа лесорубов у стопки брёвен, среди них — молодой мужчина в телогрейке. Леонид на мгновение замер: лицо лесоруба показалось ему знакомым, почти родственным. «Он тоже когда-то смотрел на эту тайгу... И видел то, что теперь предстоит увидеть мне», — подумал он.

На столе дымилась тарелка с пельменями, рядом стояла чашка с чаем и блюдо с брусничным вареньем. Леонид с благодарностью сел за стол.

— Художник? В тайгу? — переспросила баба Нина, вытирая руки о фартук. Голос её звучал так же, как у дяди Коли из поезда — с лёгкой насмешкой, но без злобы. — Ну;ну.

Видали мы таких... С кистями да мольбертами. Ты, милоч, не обижайся, но тайга — она не для красоты. Она для тех, кто слушать умеет.

Леонид хотел было возразить, но промолчал. Вместо этого подошёл к окну. Река внизу манила, двигаясь ровнотечно, а льдины покачивались, словно гигантские белые птицы, решившие отдохнуть.

После сытного обеда с сибирскими пельменями и чаем с чабрецом Леонид решил прогуляться вдоль Берди. Вечернее солнце пробивалось сквозь облака, бросая на воду неровные полосы света. Он достал блокнот и начал делать наброски, но руки быстро замёрзли — ветер с реки оказался колючим, пронизывающим.

Карандаш дрожал в онемевших пальцах. Вместо Берди на бумаге проступала вялая змейка с пузырьками. Леонид чертыхнулся и захлопнул блокнот. «Не та палитра, — подумал он. — Тут нужны другие глаза».

Он шёл вдоль берега, время от времени останавливаясь, чтобы зарисовать что-то важное:

- корни сосен, обнажённые и изогнутые, будто когти, вцепившиеся в землю;
- пену по берегу — не белую, а серебристую, мерцающую;
- линию горизонта, где хмурое небо встречалось с тёмной водой.

У самой воды, почти у кромки прибоя, он заметил странный знак, вырезанный на стволе старой сосны: круг с тремя

линиями внутри. Кто и зачем его оставил? Леонид оглянулся. Лес казался неподвижным, но ему почудилось, будто ветви чуть качнулись не по ветру. Он поспешил дальше, чувствуя затылком чей-то взгляд.

Ближе к вечеру небо затянуло тучами, воздух стал ещё холоднее. Леонид почувствовал, как промокли ботинки, а пальцы на руках почти потеряли чувствительность. Он захлопнул блокнот, сжал в кармане подвеску Юлии — её тепло будто придало сил.

«Бердь — не просто вода, — размышлял он. — Она — пульс тайги. И я должен уловить этот ритм».

Вернувшись к бабе Нине, Леонид открыл блокнот и сделал быстрый набросок: вертикальная линия — небоскрёб, перечёркнутый горизонтальной — рекой. Подписал:

«Город — вертикали. Тайга — горизонтالي. Моя задача — соединить их в одном холсте».

Мобильная связь ещё ловила — видимо, это был последний надёжный сигнал перед тем, как тайга окончательно поглотит его. Леонид отправил сообщения:

Юлии:

Всё складывается. Завтра иду искать егеря — пора двигаться в тайгу. Люблю тебя.

Ответ пришёл почти сразу:

Я в тебя верю. Будь внимателен и осторожен. Люблю тебя.

Леонид перечитал её сообщение и представил, как Юлия стоит перед его будущим холстом: «Смотри, Лёня, здесь же

солнце! Оно прячется, но есть!». Он улыбнулся. Может, в этом и суть — найти то, что скрыто?

Диме:

Готовлюсь к встрече с «сибирским светом». Держи кулаки!

Друг ответил гифкой с медведем, танцующим балет, и подписью:

Удачи, балетмейстер! Не упави в реку.

Леонид усмехнулся и отложил телефон. Пора было спать. Завтра его ждал новый день — первый настоящий день в Сибири.

Ночью он спал под мерный шум реки за окном. Ему снова снился Дух Тайги.

Во сне он стоял на берегу Берди, а напротив, среди деревьев, высился силуэт — не человек и не зверь, а что-то древнее, сотканное из тумана и хвои. Глаза Духа мерцали, как светляки.

— Ты хочешь поймать мой свет, художник? — пророкотал голос. — Но свет не ловится кистью. Ты должен сначала отпустить свой страх. Откажись от мысли, что ты — хозяин пейзажа. Стань его частью.

Леонид протянул руку, и туман окутал её, холодя кожу.

Глава 2. Слезы Тайги и первый урок Петровича

Прибыв в Бердск, наивный художник Леонид сталкивается с первым суровым уроком: живая тайга не подчиняется законам академической живописи. Встреча с ворчливым егерем Петровичем становится для него школой настоящего видения, где цвет — это не просто краска из тюбика, а сложная игра света, тени и характера природы.

Но школа эта начинается не с мольберта, а с первого шага за порог. И этот шаг Леонид делает, сжимая в кармане тёплый пирожок от бабы Нины.

Утро началось от стука капель по крыше. Дождь? Нет, просто талая вода с карниза. Леонид тщательно проверил рюкзак: кисти, масло, блокнот. Достал подвеску Юлии, повесил на шею.

Баба Нина сунула ему в карман тёплый пирожок, завернутый в салфетку.

— С дороги не сворачивай, — напутствовала она. — Петрович тебя найдёт. Он всегда находит тех, кто пришёл с чистым сердцем.

Леонид кивнул, вдохнул запах хвои и пирога — и шагнул за калитку. Впереди ждала тропа к кордону, а за ней — тайга.

Он двинулся вдоль берега Берди. Река шумела рядом,

то приближаясь к тропе, то отдаляясь. Солнце пробивалось сквозь облака, высвечивая отдельные фрагменты ландшафта: мох на стволе, россыпь первоцветов, блики на воде — и оставляя другие участки в таинственном полумраке.

«Вот он, сибирский свет, — подумал Леонид, доставая блокнот. — Неравномерный, прерывистый, полный контрастов. Он создаёт глубину, придаёт пейзажу характер, душу...»

Художник остановился, достал карандаш и начал быстро зарисовывать увиденное. Линия реки, тёмные силуэты деревьев, светлые пятна солнечного света... Он старался уловить не просто очертания, а само состояние природы — это сумрачное величие, пронизанное лучами света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.